

Категории конечной и высшей цели в учении И. Канта и их значение для теории морали

Г. Н. Гумницкий

(Ивановский государственный университет)

Категория конечной цели, этическая по своему основному смыслу, стала предметом специального рассмотрения лишь в «Критике способности суждения»,— очевидно, потому, что именно здесь в центре внимания Канта находится проблема целесообразности,— хотя эта категория применяется и в предшествующих «Критиках». Следовательно, третья «Критика» представляет несомненный интерес и с точки зрения этики.

Понятие конечной цели зарождается еще в античности. Аристотель в «Никомаховой этике», различая цели, которые в то же время являются средствами, и цели, которые ими не являются, по существу, рассматривает последние в качестве конечных целей. Конечной целью, с его точки зрения, следует считать блаженство. Но в этике Аристотеля понятия конечной

цели и высшей (высшего блага) не разграничиваются. Эпикур уже прямо говорит о конечной цели, считая таковой удовольствием.

В дальнейшей этической традиции наиболее «работающим» было понятие высшего блага, которое, однако, было недостаточным для категориального выражения основного этического отношения — между личным и общественным. Так, Аристотель, очевидно, испытывает явную трудность, когда пишет, что высшее благо человека, «хотя оно и тождественно для отдельного лица и государства, но кажется, будет делом более великим и совершенным постичь и спасти благо государства...»¹. Получается, что благо государства все же выше, то есть именно оно, а не благо отдельного лица, высшее. Достаточной ясности здесь еще нет. Заслуга Канта в том, что он, используя категорию конечной цели, сделал важный шаг в преодолении этой трудности и вместе с тем в решении основного вопроса этики.

Анализируя понятие высшего блага, Кант выделяет в его содержании два элемента: счастье и добродетель, т. е. нравственность (как достоинство быть счастливым). Высшее благо здесь понимается как совершенное, всеохватывающее и поэтому выступает в качестве полного блага. Но оно может быть взято и в другом смысле, как первое (первенствующее), и в этом случае Кант его определяет как верховное благо, которым, по его мнению, является добродетель (4(1), 441—442). («Высшее» и «верховное» — понятия, между которыми вряд ли можно обнаружить качественное различие. К этому вопросу мы вернемся).

Как же в этой связи следует квалифицировать счастье? Разрабатывая категорию конечной цели, Кант, по нашему мнению, дает решение данного вопроса. Сущность этой категории впервые раскрывается Кантом в «Критике способности суждения». Здесь можно заметить два плана рассмотрения проблемы существования человека как цели. С одной стороны, причиной, делающей человека конечной целью, он называет божественное творение. В этом плане ее природу можно лишь постулировать. С другой же стороны, Кант пытается подойти к пониманию конечной цели как явления природы, и в этом плане открывается возможность ее научного исследования и определения. В данном отношении весьма показательны название одного из параграфов третьей «Критики»: «Вещи как цели природы суть организмы» (§ 65).

Мы не будем здесь приводить аргументацию Канта, но думается, что он намечает правильный способ объяснения целевого отношения — из сущности жизни. Возьмем лишь один аспект этой проблемы — вопрос о живом существе как цели (самоцели или конечной цели). Самый общий и еще неопределенный, как он отмечает, ответ на этот вопрос Кант формулирует следующим образом: вещь является целью природы, если

она относится к себе и как причина, и как действие (5, 397). Продолжая эти мысли Канта, можно сказать: цель и целесообразность есть там, где вещь осуществляет деятельность, направленную на свое самосохранение и самореализацию, т. е. удовлетворение своих потребностей и выполнение присущих ей функций. Очевидно, такой вещью может быть только живое тело, организм. О неживом теле нельзя сказать, что оно «стремится» сохранить себя, т. е. действует соответствующим образом, ибо оно обладает лишь пассивной устойчивостью, прочностью. В неживой природе, вероятно, есть нечто сходное с целью, но не тождественное с ней.

Далее, следует признать, что цель живого находится в нем самом, в его собственной деятельности и ее результатах, т. е. что живое не «предназначено» в качестве средства для чего-то, что находится за его пределами. Цель и смысл жизни — в самой жизни. И, наконец, что первая цель живого — сохранение и реализация отдельного организма, особи или индивидуума, ибо все процессы жизни протекают в единичных, отдельных организмах, из взаимодействия и смены которых образуется жизнь стада, общества и вида. Это значит, что индивид (особь), хотя и является в определенных отношениях средством, в первую очередь представляет собой самоцель.

Самоцель — это конечная цель. Действительно, по кантовскому определению, «конечная цель есть та цель, которая не нуждается ни в какой другой цели как условии своей возможности» (5, 467). Если руководствоваться этим определением, то конечной целью надо признать каждое живое существо. Но сам Кант признает конечной целью лишь человека как нравственную личность. По его мнению, все другие организмы, кроме человека, как цели все же обусловлены природой, человек же, обладая разумом, свободно руководствуется моральным законом, и в этом отношении ничем не обусловлен, является конечной целью (5, 468—469 и др.). Очевидно, что это понятие стало у Канта предметом мистификации. Но вместе с тем оно таит в себе глубокий реальный смысл.

В понятии конечной цели можно выделить два значения. Во-первых, каждый организм является конечной целью, поскольку его существование есть самоцель. Ведь нельзя сказать, что он существует ради продолжения рода, это лишь одна из его функций, причем она выполняется опять-таки как его собственная самореализация, а род существует не сам по себе, а в индивидах и через них. (В этом отношении человек тождествен со всеми живыми существами, что важно учитывать в рамках экологической этики.) Во-вторых, особь (индивид) — конечная цель для стада (или общества). Развитую форму этого отношения отражает моральное сознание в идеях человечности и справедливости. С внутриобщественной точки зрения, именно человек является конечной целью, однако в полной

мере является ею постольку, поскольку его поведение общественно нормально, не носит антиобщественного характера. Это общественное отношение к индивиду получает адекватное отражение в кантовском положении, согласно которому счастье человека является конечной целью лишь при условии достойности этого счастья. Чего стоит человек,— спрашивает Кант,— если он не обладает доброй волей? И отвечает: «Он объект, достойный презрения, если рассматривать его по его внутреннему содержанию...» и «...в качестве злого человека в мире, подчиненном моральным законам, должен сообразно с ними лишиться своей субъективной цели (счастья)...» (5, 478). Мы видим, что за кантовской якобы априорной конструкцией стоит представление о реальном человеческом общежитии под углом зрения действия в нем моральной регуляции.

На наш взгляд, разработав категорию конечной цели, Кант в «Критике способности суждения» существенно развил свое учение о категорическом императиве — основном моральном законе. Эта категория глубже и точнее, чем используемая в «Критике практического разума» категория «цели самой по себе», раскрывает место человека в системе моральных и вообще социальных отношений. Всякое средство в каком-то отношении является и целью. Чем же отличается человек как цель от любой другой цели, скажем, от средства как цели? Тем, что он — цель изначально, в первую очередь, что он — самоцель, конечная цель, и лишь с учетом этого может рассматриваться и использоваться в качестве средства.

Признание личности, ее блага целью «самой по себе», то есть самоцелью и конечной целью для общества, не означает, что мы становимся на точку зрения индивидуализма. Статус личности как конечной цели — лишь один из аспектов ее социальной позиции, ибо общественно нормальная личность вместе с тем рассматривает себя и как подчиненный элемент общественной системы, интересы которой она при необходимости способна предпочесть своим частным интересам. Можно сказать, что индивиды как суверенные субъекты отчуждают часть своих интересов и прав, нужных для их обеспечения, в пользу общества, государства, но в конечном счете в общем и целом это интересы и права самих индивидов.

Представляется, что в свете этических идей, содержащихся в «Критике способности суждения», предложенная автором этих строк формулировка основного морального отношения² нуждается в определенном уточнении и развитии. Согласно ей, общее и личное благо соотносятся как высшая и конечная цели. Но с высшим, строго говоря, сопоставимо лишь низшее. Выходит, что личное благо всегда является низшим? Это верно, если имеются в виду главные общие интересы, но ведь по отношению к менее существенным общим интересам главные личные интересы (интересы сохранения жизни, здоровья, чести и

достоинства) сами оказываются высшими! Следовательно, конечная цель также может выступать в качестве высшей.

По-видимому, понятия высшей и конечной целей лежат в различных плоскостях, и для противопоставления последней нужно другое понятие. Им может послужить понятие первичной (или исходной) цели. Оно означает, что первым, непосредственным объектом морального отношения является социальная общность, ее благо. Индивид же служит таким объектом лишь через призму общественных отношений, как социальное существо. Ведь даже те моральные понятия и нормы, которые направлены на обеспечение блага отдельных лиц (гуманности, уважения чести и достоинства личности и т. д.), выступают для субъекта морального отношения как общественные ценности, выражающие общие, в данном случае сходные, тождественные, интересы всех членов общности. Моральное отношение к человеку — это всегда отношение к нему как к частице общественного целого. Отсюда ясно, что первой моральной ценностью для человека является благо самого этого целого.

Но какой из двух целей, первичной или вторичной (но конечной по значению), должен отдаваться приоритет в ситуации морального выбора? Для решения этой задачи уже нужно понятие высшей (и, соответственно, низшей) цели. У Канта, как уже отмечалось, «высшее благо» имеет два значения: это, во-первых, полное благо, т. е. единство моральности (добродетели) и счастья, и, во-вторых, добродетель сама по себе, которая, правда, определяется как «верховное» благо, хотя трудно заметить какое-либо различие между «высшим» и «верховным». На первый взгляд, попытка развести эти понятия является необоснованной, логически несостоятельной. Однако, думается, за формальной нечеткостью здесь скрывается нечто истинное и глубокое.

Прежде всего, следует признать, что «полное благо», единство морали и счастья, является высшим благом, высшей целью как в общесоциальном, так и в моральном плане. Обеспечивая единство личности и общества, мораль тем самым обеспечивает и сохранение самого общества. Поэтому она выступает в качестве высшего критерия социальной целесообразности. Этим можно объяснить тот факт, что при решении любых вопросов сплошь и рядом обращаются к нравственности как к последней инстанции, позволяющей оправдать или осудить предлагаемое решение. Казалось бы, добродетель, моральность, с одной стороны, единство морали и счастья, с другой, — различные ценности, не тождественны между собой. Однако целью морали является добродетель, добродетельное поведение, а добродетель имеет своей целью согласование личного и общественного, морали и счастья. Высшей целью морали служит реализация общественно значимых норм, подчинение личного общественному, выполнение личностью своего долга. Постольку высшее бла-

го — благо общества. Но в то же время целью морали является и благо личности, а поэтому самая высокая, наивысшая цель — в сочетании, гармонии блага общества и блага личности, добродетели и счастья. Не получается ли, что одна из этих целей, последняя, все же выше других, а потому только она — высшая? В определенном смысле это так, и все же вопрос не решается так просто.

На наш взгляд, решение этого вопроса не сводится к соизмерению рангов названных целей, а состоит в их качественном различии. Полное благо, единство морали и счастья, следует рассматривать как абсолютную, но идеальную цель, которая обычно достигается не полно, лишь в приближении. Общее же и личное благо — более реальные, но относительные, в какой-то мере ситуационные цели. Для моральной личности идеалом является достижение гармонии этих целей, которая, однако, достигается в пределе, через постоянное разрешение дисгармонии между ними, через их уравнивание, происходящее в процессе борьбы противоположных тенденций осуществления каждой из целей за счет подчинения другой. Если, например, задача сохранения или восстановления гармонии требует того, чтобы приоритет был отдан общему благу, то именно оно приобретает значение высшей цели. В этом случае она будет воплощать в себе общую, абсолютную цель. Следовательно, есть только одна высшая цель, которая, оставаясь сама собой, в то же время выступает в форме одной или другой из соединенных в ней противоположных целей, в зависимости от того, какая из них в данном случае выражает собой необходимость гармонии между ними.

Преобладающей тенденцией, на преодоление которой направлена моральная регуляция, является утверждение личного блага в ущерб общему, отстаивание частного интереса вопреки интересам целого. У Канта моральность поэтому проявляется в форме долга, противостоящего личным «склонностям», стремлению к индивидуальному счастью, эгоизму, категорический императив прежде всего требует подчинения поступков общезначимой норме, «верховным» благом, по существу, оказывается общее благо. Однако в этом еще не вся истина. Согласно тому же категорическому императиву добродетель включает и отношение к личности как к конечной цели. Постольку личное благо может в определенной ситуации являться и высшей целью. Человек имеет моральное право отстаивать свои личные интересы, бороться за свое счастье, а общество обязано во благо отдельных личностей, из которых оно состоит, поступать определенными интересами целого, частью ресурсов, необходимых для развития производства, науки, укрепления обороны и т. д. Долгом каждого является забота о благе конкретного человека, индивидуального члена общества, а не только об общем благе как таковом.

Вернемся к категории конечной цели, которой, как представляется, свойственна та же диалектика, что и категории высшей цели, высшего блага. Кант колеблется между пониманием конечной цели как счастья, с одной стороны, и как единства счастья и добродетели, т. е. полного блага, с другой. «...Если спрашивают, — пишет он, — о *конечной цели бога* в сотворении мира, то надо указать не на счастье разумных существ в нем, а на высшее благо, которое к указанному желанию этих существ присовокупляет еще одно условие, а именно быть достойным счастья, т. е. *нравственность* этих разумных существ; только нравственность содержит в себе мерило, которое позволяет им надеяться на счастье волею *мудрого* творца» (4(1), 464). Кант склоняется к тому, что конечной целью является именно счастье, ибо нравственность — лишь условие его достижения. В то же время он объявляет конечной целью полное благо, единство счастья и добродетели. Дело, видимо, в том, что категория конечной цели также должна быть взята в двух значениях: в абсолютном (идеальном) и в относительном (реальном). (Рассматривая этот вопрос, надо учитывать, что Кант стремился абсолютно разграничить мораль и счастье, хотя делал это не вполне последовательно. Вернее думать, что счастье соотносится с моральностью не только как с неким внешним, дополняющим его моментом, оно включает и моральную удовлетворенность, без которой нет подлинного счастья.) Для нравственной личности служение долгу, сохранение моральной чистоты — необходимая составляющая идеала счастья, следовательно, один из основных элементов содержания конечной цели. В этом смысле последняя представляет собой полное благо в целом, т. е. включает не только личное благо, но и благо общества, всех его членов. Но это верно в идеале, если имеется в виду «абсолютно» нравственная личность. В жизни реального человека между требованиями морали и стремлением к счастью нередко бывает разлад и даже антагонизм. Для многих людей и целых социально-исторических общностей счастье может сводиться к материальному благополучию, обладанию богатством, телесным удовольствиям и т. д. С точки зрения такого понимания конечной цели человеческого существования моральность находится вне ее границ. Разумеется, между этой неморальной позицией и позицией отождествления конечной цели с полным благом имеются различные промежуточные состояния их большего или меньшего единства. Поэтому Канта можно понять так, что человек в идеале должен быть нравственным, чтобы он мог надеяться на счастье, но отнюдь не следует, что это всегда имеет место в действительности.

В большей части издаваемых у нас работ по этике категории высшей и конечной цели не используются (и даже не упоминаются), что, на наш взгляд, свидетельствует о явной «на-

учной недостаточности» нашей теории (если здесь употребимо слово «теория») морали. В отличие от этих, претендующих считаться научными, работ, в публицистике можно встретить обращение к одной из рассматриваемых категорий — к категории высшего блага. Но в какой интерпретации? Утверждается, что если раньше высшей целью у нас признавалось благо общества, то теперь, наоборот, таковой надо считать благо личности. Говорить так, значит заменять одну крайнюю и одностороннюю точку зрения другой, столь же крайней и односторонней. Если первая означает превращение личности в «винтик» общественного механизма, ее угнетение в интересах командно-административной системы, «государственного класса», то вторая неминуемо ведет к теоретическому оправданию эгоизма и анархии, а практически — к уничтожению всякой общественности в конечном счете и к гибели самих индивидов, ибо жизнь людей невозможна вне общества. Ясно, что с помощью одной лишь категории высшей цели (высшего блага) основная проблема теории и практики морали — о соотношении личного и общественного — не может быть разрешена.

Огромная заслуга И. Канта в развитии этической мысли в том, что он поставил рядом с ней и глубоко разработал еще одну фундаментальную категорию — категорию конечной цели. Кант в определенной мере выявил диалектику высшей и конечной цели. Задача современной, в том числе советской, этики — усвоить и эффективно использовать это выдающееся достижение гениальной мысли великого философа.

¹ Аристотель. Никомахова этика//Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 55. 1094в.

² См.: Гумницкий Г. Смысл жизни, счастье, мораль. М., 1981.